

Последняя трубка поэта

Память

Анатолий Иванович Кобенков любил курить трубку. Это известно всем, кто знал его или хотя бы заходил на огонек в Дом российских писателей, когда там открывали очередную выставку или обсуждали новую книгу. Ароматные дымы «Мак Барена» плавали слоями в комнате, щекотали ноздри, дразнили не табачными, но вишневыми, яблочными, ванильными ароматами... Потом поэт уехал в Москву. Потом...

В мартовские дни прошлого года, в день рождения поэта, его друзья презентовали в Иркутске книжку стихотворений «Однажды досказать...». Есть там и печальный заголовок: «Последние стихотворения». Книгу собирали после смерти Анатолия Ивановича. Как почти всякая смерть, она была неожиданна и оглушила его читателей и почитателей своей безвременностью и бесцеремонностью.

Впрочем, сейчас, накануне его дня рождения, не хочется ворошить грустное. А вспоминается мне одна наша встреча, состоявшаяся в начале 2005 года, разговор тогда зашел о трубках. У Анатолия Ивановича была небольшая, но крайне любопытная коллекция курительных приборов: десятка три трубок разных мастеров. Я могу рассказать, как она начиналась и пополнялась. Но лучше об этом расскажет сам Анатолий Кобенков, потому что мне тогда пришла в голову мысль записать наш разговор.

«Первая моя трубка появилась, естественно, из пижонства. Когда мне было двадцать пять лет, в Москве я купил явскую трубку из вереска за два рубля, они тогда валялись в любом табачном киоске среди пачек махорки. Купив ее, позвонил своему старшему другу и учителю Александру Михайловичу Ревичу, одному из крупнейших переводчиков поэзии Европы и Америки, трубочнику с огромным стажем. Он и преподал мне первый урок: как обкуривать трубку, как курить не спеша, чтобы не горела чаша. Начал он с того, что достал наждачок и снял с моей новенькой трубки фабричный лак, объяснив: «Чтобы трубка дышала». Так я вошел в коллекцию Александра Михайловича как «трубочник». У него я попробовал трубки всевозможные, в том числе трубки вересковые, и которые из пенки, и трубки из кукурузных початков, и трубки, которые принадлежали окружению Берии, и даже те, что курили Симонов и Эренбург... У Ревича было около двух сотен трубок. Он сейчас их не курит. После того как его здоровье резко пошатнулось, Александр Михайлович наглухо закрыл коллекцию стеклом, чтобы не иметь к трубкам доступа».

С именем Ревича была связана еще одна история. Она относилась к тому времени, когда Кобенков приобрел несколько трубок замечательного мастера из Питера (тогда, естественно, Ленинграда) Алексея Борисовича Федорова.

«Я не знал, как обкуривать клен, а они все были из кленышка. Ревич мне сказал, что их нужно продубить коньяком. Я с радостью отправился в магазин, купил бутылку коньяка, влил в чаши трубок и оставшееся – в себя. Ночью меня разбудил дикий треск. Трещали трубки. Они, в отличие от меня, не вынесли коньяка и треснули. Я к Александру Михайловичу: вы чему меня научили? От него я узнал, что я – полный болван, потому что надо было всего лишь ватку смочить в коньяке и вложить в чашу, и было бы достаточно... Трещинки затянулись, я трубки эти курю, но очень редко – когда наступает минута тоски, ностальгии. Я больше ими люблю. Их приятно держать в руках. Они старые, но хорошо обкурены и вкусны».

Вряд ли у Кобенкова появились бы другие трубки, если бы время застыло в том социализме, при котором поэта не слишком-то печатали по соображениям цензуры, в том числе и политической. Но мир вдруг открылся, стал доступнее. Вместе с этим стали и ближе трубки известных мировых марок. Один из лучших экземпляров мировых брендов – трубку Савинелли – Толя купил в Париже, где был на поэтическом фестивале по приглашению поэта Анри Делюи. И у этого чуда для курения тоже была своя маленькая история.

Анатолий Иванович рассказывал, что за границей относятся к трубкам как к сигарете: купили ее на ходу, откурив, выбрасывают. И, потеряв трубку, человек не кричит караул, просто идет и покупает другую – там трубки доступны тем, кто там живет. «Купить такую трубку, которую хочется, и ты чувствуешь, что она твоя, нашему брату невозможно по причине материальной, - говорил Кобенков. - В первую мою поездку в Германию я выбрал трубку поизящней и подешевле. Она оказалась из клена и не набрала той силы, которую мог бы набрать бриар».

А вот трубка из Франции стала событием в жизни завязанного курильщика.

«С дочерью Варей я был на фестивале, который устраивал уже в 14-й раз наш друг поэт Анри Делюи, а он это делает с большим размахом. Это единственный фестиваль из всех, на которых мне довелось побывать, где выступление оплачивается. И я заработал приличные деньги. Анри мне объяснил, где можно выбрать хорошую трубку (он сам трубочник, хотя сейчас не курит по причине возраста и всяких болячек). Оказалось, что рядом с Лувром есть целый ряд табачных лавочек. Мы их с Варюшкой прошли. И

она ныла: «Папа, я тебе не позволю купить, такие деньги!» - там трубки довольно дороги. И, как в сказке, мы набрали на лавочку не лавочку, а щель какую-то, там с трудом помещались хозяин и продавщица. Она вся была набита трубками, кальянами, табаками в мешках и мешочках, в пачках. Нам показали трубки Петерсона, я сморщился – у меня дома уже есть четыре Петерсона. Тут меня закусило, и я произнес: «Савинелли». На витрине разложили десяток трубок этой фирмы – мне стало жалко денег. Но Варя, разглядев одну трубку, взмолилась: «Я знаю, ты не сможешь спать, если не купишь ее». И она настояла, сбила цену... Эта трубка, которую не надо было обкуривать, она оказалась сразу вкусна. Изящная, легкая, с янтарным мундштуком и янтарным набалдашником».

Это была одна из трубок, приобретенных Толей. И ее история продолжилась самым неожиданным для меня образом. Я в тот визит фотографировал трубки поэта, а чтобы «прописать» их форму, подложил снизу белый лист бумаги, попавшийся под руку. Много позже, внимательно рассматривая снимок, обнаружил, что запечатлел черновик стихотворения, вошедшего в книгу «Однажды досказать...», и на снимке трубка «от Савинелли» лежит вторая справа от поэтических строк – из ее чаши, как грибок, выглядывает тот самый янтарный набалдашник. Самым странным образом стихотворение «Не бойся замолчать...» продолжило – после ухода поэта – наши с ним разговоры о жизни. Текст в поэтическом сборнике незначительно отличается от того, что на фотографии, - Анатолий Иванович был к себе беспощадно требователен:

Не бойся замолчать – и море в час отлива
Смолкает, и, заметь, нейдут из темноты
Давидовы холмы, Друидовы оливы...
Так Авель промолчал, и я смолчу, и ты...
И сердце в миг звезды, и небо в час заката
Немотствуют – увы, как губы ни сомкнуть,
Они сомкнутся так, что брат пойдет на брата,
И жизнью станет смерть, и кровью ляжет путь...
Молчание хранят, замкнув свои уста
На Каинову тьму, на нитку Пенелопы
И вервия Христа...

В этом же томике последних стихов есть строки, посвященные трубкам. Забыв юношеские «горький дым Астры моршанской», «ленинградский дым Беломора», Кобенков славит оркестр трубок (которые в его стихах нередко, на мой взгляд, оборачивались то дудочкой, то посохом,

то флейтой): «гобои папы Петерсона», «свирели папы Савинелли», «бигоновский тромбон».

А на крышке книги «Однажды досказать...», той, что мы привычно называем обложкой, художник Сергей Элоян изобразил последнюю трубку поэта, набитую, но не зажженную, и табачные буковки высыпались в недоумении из просторной чаши на белый лист бумаги – некому их построить в ряды строчек: то, что мы жизнью зовем, крошкой табачной крошится, чаше даря огонек, горечь даря чубуку...

Петров В.

Областная. – 2009. – 6 марта. – С. 8.